

ЗАБЫТАЯ ЖИЗНЬ

АНДРЕЙ ОКУНЬ

Андрей Окунь
Забытая жизнь

«Издательские решения»

Окунь А.

Забытая жизнь / А. Окунь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964904-1

Жестокий мир прошлого. Вокруг поля и горы, и единственное спасение приходит от незнакомого человека. Парень очнулся на окраине леса и понял, что ничего не помнит. Перед вами психологический эксперимент, литературное рассуждение, как попытка ответить на вопрос: «насколько воспоминания влияют на нашу личность». Драматический роман-приключение, в котором главный герой шаг за шагом возвращает отобранное у него — собственную память. И когда ему кажется, что ответы найдены, все рушится снова. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-964904-1

© Окунь А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Забытая жизнь

Андрей Окунь

Дизайнер обложки Алина Пупкова

Редактор Илья Шишков

© Андрей Окунь, 2019

© Алина Пупкова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4904-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Взбухшее серое небо висело над полем. Скисшая от влажности трава пригибалась к земле, а под одиноким деревом, оперевшись затылком в ствол, лежал парень. Короткие темные волосы скомкались и прилипли к мокрой от крови голове. Правый глаз опух, закрылся красным пузырем, гематомы вздулись синими шариками, а нижняя губа лопнула так, что с нее свесилась полоска кожицы.

Парень шевельнулся, протяжно застонал. Рука неуверенно потянулась к голове, но, задрожав, бессильно упала. Боль нахлынула отовсюду. Лицо запульсировало, рёбра были готовы с хрустом раскрыться наружу, а в кадыке застрял горький комок. Парень выплюнул его на разорванную рубаху.

Ветер качнул ветки дерева и умчался в поле. Парень быстро и отрывисто дышал. Появились звуки. Они смешались с ударами сердца и шумом в ушах. Затем вернулось ощущение собственного тела. Парень почувствовал правую ладонь. Она лежала на траве – колючей и горячей. Парень ощутил грудь. К ней прилипла рубаха – мокрая и холодная. За спиной послышался шорох. Кто-то подходил к дереву. Парень вздрогнул, попытался повернуться на звук шагов, но тут же вскрикнул и скорчился. Затылок адски заболел, и в виски, обвязанные набухшими венами, будто воткнулись два гвоздя. Кто-то остановился рядом.

Перед раненым, лежавшем в собственной крови, появился мужчина. Худое, вытянутое, лицо казалось заостренным. Седая борода на впалых щеках, тонкие губы, которые почти не видно. Ровные белые зубы, тонкий, стреловидный нос, и холодные безразличные глаза.

Охотник присел на корточки и снял с пояса бурдюк. Парень почувствовал движение перед собой и открыл неповреждённый серый глаз. Он с трудом различил человека перед собой. Картинка расплылась, заскакала из стороны в сторону. Рвота подпрыгнула в животе, желваки зазудели, и парень поскорее закрыл глаз.

– Глотни, станет легче, – хрипловатым голосом произнёс мужчина и вынул пробку из бурдюка.

Он аккуратно, стараясь не задеть сочившуюся кровью губу, поднес ко рту парня бурдюк. Тот сделал глоток. Содержимое обожгло рот, оплело гортань вязкой пленкой и устремилось вниз к желудку. Раненный выгнулся и глубоко вдохнул холодный вечерний воздух. Его ослепило вспышкой, и на мгновение глаз отчетливо увидел небо. Оно было сизое, перемешанное с темно-синим, большое и мягкое.

Парень лежал на багровой земле. Сердце затихло, больше не било в ушах. В груди появилось тепло. Он оторвал голову от дерева, приподнялся на руках и прислонился плечами к стволу. Охотник смотрел на раненого, думая, как удобнее его взять на руки. Из горла парня вырывался хрипящий свист. Легкие отрывисто поднимали ребра, а в уголке рта сдувался и надувался красный пузырь. Охотник медленно просунул одну руку под колени парня, другой обхватил его спину. Как только мужчина поднялся, голова раненого бессильно запрокинулась назад. Всё вокруг потемнело, и мир захлопнулся перед ним черным куполом.

В спину задул свежий ветер, облетевший горы и вернувшийся к одинокому дереву. Тело размерено покачивалось на руках охотника. Опушка превратилась в лес. Небо закрыли листья, и вокруг резко потемнело. Кусты цеплялись за одежду, а мошकारа, почуяв запах крови, взбесилась и яростно жужжала, превратившись в гудящее облако.

Раненный очнулся. Его голова лежала на плече охотника. От него пахло потом и костровым дымом. Рубиновые липкие капли стекали по щекам и лбу, падали на землю. Где-то в стороне, гудели эхом слова охотника:

– ... мы будем у дома...

Они вышли из леса на небольшую опушку. Лицо парня испачкало плечо и грудь охотника кровью. Мужчина покосился на свою одежду и с отвращением поморщился. Он сделал глубокий вдох и быстрее зашагал к дому.

Глава 2

Мак сидел за столом, нависнув над холодной похлебкой. Хозяин корчмы принес еду, сальными толстыми пальцами толкнул посетителю тарелку так, что она, вздрагивая и разбрызгивая суп, подлетела к охотнику вместе с деревянной ложкой. Содержимое уже давно остыло, а Мак к нему даже не прикоснулся. Он сидел нахмуренный и смотрел на дно тарелки, изредка двигал плечом, пытаясь поправить натиравшую тетиву лука.

– Ты б снял свое оружие, – прогундел с другой стороны стойки хозяин корчмы.

Мак никак не отреагировал, только положил кисти рук на край стола. Черные от грязи, огрубевшие ладони не прикасались к ложке.

Охотник злился сам на себя из-за того, что решил приютить того раненного парня. Мак нахмурился. «Теперь придется в который раз отложить планы», – подумал он. Вместе с размышлениями он скрёб ногтем поверхность стола. «Этот парень получил серьезную травму. Но почему я никогда прежде его не встречал ни среди охотников, ни среди поселенцев у моря...» Мак выпрямился и взял ложку. Похlebка отдавала кислятиной и была водяниста на вкус. «Какого чёрта этот парень оказался в лесу?» – пронеслось в голове охотника.

Дверь в корчму открылась, зацепившись за пол и противно взвизгнув. С улицы зашёл огромный размеров мужчина. Рыхлый шрам на правой щеке, массивная, как будто квадратная голова с подстриженными ежиком волосами. Когда несколько лет назад Мак в первые его увидел, то поймал себя на мысли, что такого высокого человека за всю жизнь не встречал. Вошедший держался вызывающе, смеющимся самоуверенным взглядом облетел всех, кто сидел внутри, и метровыми шагами направился к столу Мака.

– Здоров, дружище! – он сел за стол и проорал хозяину корчмы. – Эй, старик, тащи сюда что-нибудь пожирней, я жрать хочу!

– Давно не виделись, Балдор, – процедил сквозь зубы Мак, – у тебя ко мне разговор?

– Погоди-погоди, дай поест, а там уже и посмотрим.

Балдор расправил массивные плечи и покрутил головой, разминая бычью шею размером с плечо обычного человека. Он закатал рукава рубахи и облокотился на стол, наклонившись грудью вперёд к Маку. Охотник с каменным лицом, не обращая внимания на буравящий взгляд соседа, хлебал холодный суп. Было видно, как под его седой бородой двигаются желваки. С кухни донесся крик хозяина:

– Мать! Вытаскивай свинью из печи... Что ты говоришь? Вот глупая старуха, – старик вынырнул из-за прилавка и быстрыми шажками подплыл к охотникам. Заносчивость, с которой он разговаривал с Маком, испарилась.

Хозяин залепетал без остановки, растягивая рот в кривой улыбке:

– Балдор, сейчас хозяйка достанет свининку, вот приборы, чтобы кушать удобней. А там глядишь скоро и еда подоспеет, – он положил на стол вилку с ножом, – мы тебе еще пиво принесем, так сказать подарок сердечный от друзей, свининка настоящий сок, сочная, с лучком и...

Внезапно Балдор размахнулся огромной ладонью и со всего маху грохнул по столу. Вилка с ножом подскочили вверх. Старик ахнул и подпрыгнул от неожиданности. А Мак, за доли секунд заметив движение руки Балдора, невозмутимо поднял свою тарелку над столом, чтобы суп в ней не расплескался. Трое других посетителей корчмы обернулись посмотреть, что произошло. Мгновение охотники смотрели друг на друга, пока Балдор не отстранился на спинку стула и гулко засмеялся.

– Ты видал, старик? Какой этот шельма, резвый, – и ткнул пальцем в сторону охотника.

Мак холодным взглядом смотрел на подсевшего к нему громилу. Полупустая тарелка с похлебкой опустилась в руках охотника на стол. Балдор обернулся к старику, как будто что-то вспомнив:

– Ты зачем, старик, мне вилку с ножом отдельно от жратвы притащил? Совсем на старости лет поехал, тащи свою свининку, я жду, – а потом ослабился и развалился на стуле.

Хозяин оглядывался то на Балдора, то на тарелку Мака, наконец засмеялся и поторопился спрятаться за прилавком.

– Как похлебка?

Мак почему-то подумал, что лет десять назад он бы раскрошил голову Балдора этой деревянной тарелкой. Теперь только ответил:

– Могла быть и лучше. Ты успел продать своих белок?

Мак знал, что не успел. Охотник сделал это раньше него, договорившись с нужными людьми. Балдор на секунду задумался и перестал улыбаться:

– Мы забились с тобой, что будем продавать поровну, ты свое уже сбыл на той неделе, но все равно продал Василь Васильевичу сверх положенного, – Балдор буравил взглядом Мака.

– У нас не было с тобой договора, что за чушь.

– А я думал, что ты понял мой намёк...

Разговор прервала жена корчмаря, принесшая на огромном подносе разделанную и зажаренную свинью.

Мак почувствовал сладковатый и тягучий запах маринованного мяса. Посмотрел на сочные куски, сочившиеся жиром, вспомнил, что за весь день в животе побывала только паршивая похлебка, и отвел взгляд. Балдор выровнялся на стуле и с некоторой нежностью обратился к женщине:

– Спасибо, мать. Свинина выглядит замечательно.

– Кушай, дорогой, – улыбнулась старуха и вернулась к прилавку, там уже ждал муж, ставший не поднимать на неё глаз.

Вилка с ножом буквально впились в мясо, и куски один за другим начали исчезать во рту Балдора. Он набивал себе рот. Его щеки и губы маслились от жира.

– Я говорил тебе, что не будешь соблюдать правила – пострадаешь. Бабка там порчу нашлёт, или ещё чего, – Мак пристально посмотрел на Балдора, – а ты в который раз отплеываешься и делаешь по-своему, – Балдор громко проглотил пережеванное и запихнул в рот следующий кусок.

– Я буду продавать столько меха и шкур, сколько посчитаю нужным.

– Мужики подтврдят, ты продаешь слишком много...

– Потому что у меня и покупают охотнее, – Мак неожиданно для себя понял, что теряет контроль над голосом, – вы только мех поганите. Эту белку нужно убивать точно в глаз, правильно разделать, не испортив сухожилий.

– Остальным приходится дешёвку всякую продавать, потому что в городе белку покупают толко у тебя! Ты хоть понимаешь, что нам тоже нужно на что-то жить. На какие шиши мужикам покупать железо и ткани? А? – Балдор говорил быстро, и частички из его рта почти долетали до Мака.

– Мне какое теперь дело до остальных. Я теперь не часть поселения. Если не умеют охотиться на такого зверя, пускай не берутся, я всегда это им говорил, – впервые за разговор в его голосе прозвучала злоба. Мак отодвинулся от стола: – Балдор, даже если я буду продавать меньше, у вас никто не станет покупать белку, а у меня получится зависить цену вдвое или трое. Твои мужики могут...

– Не могут! – громила ударил кулаком по столу так, что на тарелке подпрыгнул кусок свинины.

Балдор ткнул вилкой в сторону Мака и сказал, прищуривая глаза:

– Кстати, ты давно виделся с Куртом?

Внутри у Мака что-то подпрыгнуло. «Скотина», – подумал он про себя, чувствуя как начинает терять контроль. Охотник понимал, что глаза его выдадут, поэтому перевел взгляд в сторону выхода.

– Может, две недели назад, когда был в поселении, – с деланным безразличием ответил Мак.

– А сегодня еще не успел зайти? Повидай уж старого друга, – складывалось впечатление, что Балдор специально делает голос более раскатистым, глухим и грубым, идущим откуда-то снизу, чтобы слова звучали как можно многозначительнее.

Балдор перестал жевать и молча уставился в свою тарелку. Он сидел ссутулившись, огромным телом нависая над столом. Если минуту назад глаза Мака горели от злости, то теперь его лицо снова приняло сосредоточенное и хладнокровное выражение.

– Я продам уже готовые шкуры. Думаю мне хватит, чтобы в этом сезоне больше не заниматься охотой на белок, – Мак сделал жест хозяину корчмы, – принеси медовухи.

– Сейчас середина лета, – произнёс Балдор, когда толстый корчмарь отошёл от их стола.

– А охоту можно вести до конца осени, пока не все тушки сменили мех.

– Сколько у тебя осталось шкурок? – Балдор отодвинул от себя тарелку с разбросанными по ней свиными костями и облокотился локтями о стол.

– 18 штук. Спасибо, – кивнул он хозяину и, невольно сморщившись, принял из его руки грубо выструганную деревянную кружку. Мак ненавидел посуду в этой корчме, потому что неделю назад вогнал занозу в ладонь, проведя ею по боковине стакана.

– А ты что будешь делать? – спросил Мак громилу.

– Мы с мужиками разделим поровну количество шкурок, которые будем продавать, – серьезный и рассудительный тон был явно не к лицу Балдору. Он страшно надвигал брови на глаза, выпячивал губы и смыкал огромные пальцы в замок, – так что в этот раз никто не останется... мм, как это говорится? У разбитого корыта?

Мак кивнул, будто соглашаясь в справедливости сказанного.

– Что ж, возможно, ты правильно делаешь. Людям же надо на что-то жить.

– Так и я о чём, Мак!

Балдор оживился. Он пошарил глазами по столу, и не найдя, выпивки, крикнул хозяина:

– Старик, ну-ка мне бадью медовухи. Да живее! Мы выпьем!

– Не стоит, Балдор. Думаю, в этот раз мы друг друга поняли. Я просто допью свой стакан и уйду, – произнёс Мак и приподнял кружку, – в ближайшие дни я продам оставшиеся шкурки и после займусь оленями. На это мужики не будут возражать? – спросил охотник, прежде чем сделать глоток.

– Олени в твоём распоряжении, – широко улыбаясь, гаркнул громилу, – умный ты все-таки мужик, Мак. В деревне тебя все уважают и знают, как прекрасного охотника. Но о других тоже надо думать.

Мак не отреагировал на эти слова, только сделал глубокий глоток медовухи.

– Передавай от меня привет, Курту. Он же в порядке? – спросил Мак.

– О, не переживай, он лучший врач во всей этой глухомани, с ним все в порядке. У людей он в почёте. Кстати, недавно ему одна старушка даже козу подарила. Оказалось, что коза-то с подвохом.

За несколько минут Балдор успел выпить три чарки медовухи из увесистого бочонка. Его взгляд становился расплывчатым.

– Мы когда увидели эту козу, – Балдор взялся рукой за грудь, – ты бы видел... У неё живот раздутый, как меха в кузне. А потом... Она еще и, – он набрал воздуха, задержал дыхание и на выдохе заорал, давась смехом, – пердит.

Балдора скривило напополам от хохота. Он жутко раскрыл рот и смеялся изо всех сил. Маку показалось, что медовуха в кружке завибрировала в ритм гоготу громаилы. На глазах Балдора выступили слезы, и он начал повизгивать, при этом стуча ладонью по столу.

– Вот мы ржали! Представляешь, эта старая шельма сплавилла больную козу как бы в качестве благодарности за лечение и думала, что Курт не заметит.

Мак безучастно следил глазами за лицом Балдора. На громкий смех то и дело оборачивались посетители корчмы. Балдор пытался отдышаться, кивая соседям направо и налево со словами: «ну старуха, а?».

Мак и Балдор просидели вдвоем еще с четверть часа. Громила так же быстро хмелел, как заканчивался бочонок с медовухой, то есть с каждой минутой все стремительнее. Больше разговаривал он. Мак же прибывал в раздумьях. «Разделят поровну, конечно. Только ты и я можем охотиться на этих паршивых белок. Мужиками прикрываться... Сам же все и будет продавать. Да же та старуха поняла бы, что к чему. Поровну...». Мак резко поднялся. На стол упала чеканная монета с вмятыми углами.

– Хозяин, это за ужин! – крикнул охотник и кивнул на брошенный им медяк.

– Ты когда-нибудь спасал человека? – вдруг спросил Балдор, пытаясь зацепиться за фигуру поднимающегося охотника осоловевшими глазами.

– Бывало, но вряд ли этот кто-то хотел этого.

– Думаю сегодня я спас одного, – Балдор сказал это и зыркнул прищуренными глазами в сторону Мака.

Они зацепились взглядами. Худощавый, среднего роста высушенный трудностями одинокой жизни Мак и обмотанный мышцами, как канатами, исполинского роста Балдор. Мак почесал щеку через густую бороду и, отодвигая тяжелый дубовый стул, отошел от стола. В корчму набивался народ. По углам за столами зажигались самокрутки с табаком. Мак помнил, как жена хозяина еще год назад запрещала курить в её заведении. Когда же она поняла, что выпивка расходуется быстрее под табачный дым, то тут же уступила. Мак накинул на голову капюшон, выйдя из корчмы, и легким пружинистым шагом направился в сторону леса. Когда охотник пропал из виду, Балдор ровно сел за столом. Веселость сошла с его лица. Он трезвыми глазами смотрел в дверной проем и о чём-то думал.

Глава 3

Парень проснулся от жуткой боли в голове. Он находился в полузабытье и не мог чувствовать под собой ни прохуdivшегося мешка с колючей соломой, ни жесткую кровать, на которой лежал. Горький, противный запах пота и сырого дерева. Душно. Парень выскользнул из гула в своей голове и понял, что очнулся. Тогда он почувствовал жуткий зуд в отекшей спине, какой-то внутренний хруст костей рук, ног и груди, сдавливаемых собственным весом. И вместе с этим в одну секунду вспышкой вернулась боль. Ему показалось, что голова скрутилась, скукожилась и сдулась, как высохший фрукт. «Как же больно!», – услышал он собственный голос. Парень открыл глаза, попытался пошевелить рукой, но она будто мертвая лежала где-то сбоку. Сквозь туман в голове слышались далекие шаги. И голос. Грубый, но успокаивающий: «Лежи, еще лежи». Чья-то сильная рука уперлась ему в плечо и опустила обратно на кровать. «Что за... Что происходит?», – мысли путались между собой. Парень почувствовал, как к его лицу прикоснулось что-то холодное. Тряпка. Ему протирали лоб и запекшиеся губы.

– Спи, тебе надо отдохнуть, – сказал голос.

...

В доме никого не было. Парень приподнялся на локте на твердой кровати и обвёл комнату мутным взглядом. Судя по тусклому свету, сквозящему сквозь окно, наступило утро. На стенах висели полки со всякой рухлядью. Рядом с дверью, прибитая к дощатому полу, торчала крупная ветка, по форме напоминающая рогатку. На её больших концах висело два плаща, а на сучках – разные ремешки, куски высушенной кожи и грязный, набухший от пыли мешок. У противоположной от парня стены были натянуты веревки. На них подвешенные за кончик съездившейся пасти сушились шкурки белок. По углам валялись обрубки палок, несколько топоров, над изголовьем кровати висели два лука: один длинный почти прямой, а второй компактный и более изогнутый.

Парень сел на кровати. За последние несколько дней он сильно похудел. Одежда, бывшая на нём, когда Мак нашел его, обвисла на плечах. Парень поднес пальцы к голове. Он чувствовал, как что-то пульсировало у него на затылке. Рука замерла в нерешительности. Парень представил огромную гематому, мягкую или наоборот сухую трещину с запекшейся кровью по краям. Он вздрогнул и отдернул ладонь. Пробираясь среди рваных и затянутых пеленой воспоминаний, он усилием воли смог обнаружить лишь, как его нёс охотник. Парень плохо воспринимал настоящее: свет колотил глаза, а любое движение вызывало тошноту и головокружение. Тогда он медленно и аккуратно спустил ноги на пол.

Ворона, сидевшая на крыше, вскрикнула протяжно и сухо. Парень представил, как она взволновалась, повела клювом и прыгнула с дома. Было слышно как царапнули её когти по дереву. Кто-то подошел со стороны улицы к двери. Парень сделал усилие, чтобы приподнять голову и рассмотреть человека. Шершаво заскрежетал замок. Щелкнул. В дом вошёл охотник.

На сухом, с множеством морщин лице росла густая и почти белая борода. Из-под зеленого капюшона смотрели холодные безучастные глаза. Это был твердый, ничего не выражающий взгляд. Парню стало неловко, когда серые глаза охотника скользнули по нему. В левой руке мужчина держал открытый замок, в правой за подвязанные лапки – трех большеухих кроликов. Колчан и лук за спиной покрылись листвой и травой. Охотник положил тушки тут же у входа, и поскрипывая тяжелыми сапогами прошел к стене, где были развешены шкурки белок. Парень смотрел на спину охотника и пытался собраться с мыслями. Нужно было что-то сказать или спросить. Он начал говорить, но горло будто расцарапал песок, а рот слепило от сухости. Вышло какое-то мычание. Мак продолжал проверять и подрезать шкурки. Парень подумал,

что его просто не услышали, и напрягся во второй раз, но в груди что-то вздрогнуло, и звук комком застрял внутри. Мужчина откинул капюшон с головы и развернулся к кровати. Просто, без всяких эмоций отстегнул от пояса фляжку и наклонился над парнем. Сначала он смочил ему сохшие губы, а затем аккуратно прислонил к ним горлышко.

– Не разговаривай. Зачем ты сел? Ложись. Я скоро приготовлю мясной суп.

Парень подчинился и толкаемый сильной рукой охотника опустился на кровать.

– Надо бы сменить повязку, – сказал он, посмотрев на голову парня.

Парень видел перед лицом мозолистые ладони и пальцы с черной линией грязи под ногтями.

– Ладно, потом перевяжу тебя, – сказал охотник и вышел на улицу.

Парень приподнялся на кровати так, что у него получилось через окно рассмотреть нахмуренное лицо мужчины. Он сидел на пне, склонившись над тушкой кролика. С улицы донесся его голос:

– Как тебя зовут?

Этот вопрос не вызвал никакой отдачи в памяти. Просто вопрос, не имеющий за собой ничего. Вырванный и выброшенный кусок картины.

– Я не помню, – как можно громче крикнул парень.

Охотник появился в проходе, на секунду заслонив свет с улицы. Он держал в красной от крови ладони разделочный нож. Мужчина прошел к одной из полок, порылся в ней и вытащил небольшой тканевый мешочек. Пол с тоской и безразличием проскрипел под ногами уходящего на улицу охотника, откуда послышался звонкий и глуховатый стук лезвия по дереву. Парень видел через окно макушку охотника, и как она покачивалась в такт ударам ножа. С усилием он приподнялся на локте и сильно вытянул шею, чтобы лучше разглядеть его лицо:

– А тебя как зовут? – парень увидел, как мужчина, услышав вопрос, слегка нахмурился.

– Тебе-то не все равно? – раздалось в ответ.

Охотник вернулся к работе, но потом невидимый для парня нож остановился в руках, а тонкие губы будто напряглись и бросили сухо:

– Мак.

«Мак, – пронеслось у парня в голове, – никогда не слышал такого имени». А потом он понял, что не может вспомнить ни одного.

Духота в доме давила. От этого все кружилось в глазах и становилось тошно. Его потянуло на свежий воздух. Был день, и солнце мягко ложилось на небольшую поляну вокруг дома. «Давай, поднимайся, надо вылезти отсюда», – сказал он себе.

– Мак!

Парень увидел через окно, как охотник перестал что-то резать.

– Помоги выйти, я не могу больше оставаться в доме.

– Тебе лучше остаться внутри, – послышался сухой ответ.

Парень хотел еще что-то сказать, но передумал. «Сам встану». Его кружило, пол перед глазами то падал, то наклонялся в сторону, но спертый воздух становился все противнее. Парню буквально приходилось пропихивать его в легкие. Он нерешительно взялся за край кровати и приподнялся, замерев на секунду, чтобы не упасть. Противная солома резала ладонь. Шарахнулся вперед и привалился грудью к входной двери.

– Твою же, – Мак встал с пня, – я же сказал, оставаться внутри.

Парень ничего не ответил. Он впился всем телом в дверной проход, вцепился в него пальцами, и не видящими глазами, как пьяный, шарил у себя под ногами. Грудь тяжело поднималась при каждом вздохе.

– Пень видишь? – спросил охотник. – Сможешь дойти?

В нескольких шагах от дома, у костра из земли торчали два пня. Лицо парня отсырело, на лбу и под носом выступил пот. Охотник же стоял в стороне и наблюдал. Хворост еще не раз-

горелся, а на земле, рядом с костром, лежали три палки, на них Мак собирался насадить кроличьи тушки.

Парень глубоко вдохнул, стиснул зубы и попытался сделать шаг, но пальцы, ухватившиеся за дверной косяк, не разжимались, поэтому он только качнулся и прислонился обратно к стене. Мак раздражительным движением откинул тело кролика с надрезанным брюшком и твердым шагом направился к парню. Подхватил его одной рукой под плечи и усадил на пень.

Вокруг дома охотника плотной стеной стоял лес. Темно-зеленые ели в молчании опустили ветви. Деревья в пределах нескольких десятков метров по кругу были вырублены, а на их месте образовалась небольшая лужайка. Парень только сейчас увидел, что сбоку был разбит небольшой огородик, окруженный невысоким плетнем. Мак видел, как парень покачивался из стороны в сторону, сидя на пне, как он вздрагивал всем телом, когда казалось, что вот-вот упадет.

– На, откуси и запей. Тебе от этого полегчает.

Парень тупо уставился на протягиваемый ему ломоть хлеба и бурдюк. С жадностью сделал три глотка, поперхнувшись на первом.

– Ты сказал, что не помнишь, как тебя зовут.

Парень странно вытягивал шею в попытках пропихнуть в горле большой кусок хлеба. Мак примял ступней траву вокруг себя и начал свежевать второго кролика. Нож с мягким звуком вспарывал мех и пролезал вглубь тельца зверька.

– Не помню, – парень почувствовал себя намного легче.

– Тогда как мне тебя называть?

– Я... я не знаю.

Тоска и слабость промелькнули в глазах. Парень задумался. У него не получалось достать из памяти хоть что-то. Огромная черная стена, в которую он упирался каждый раз, когда задавал себе вопросы. «Что со мной произошло?» Смутно он различал отрывки, смазанные картинки. На них сначала мелькало лицо Мака, когда тот нашел его под деревом. Потом перепутанные, слипающиеся образы леса. Все скачет. «Он донес меня сюда».

– Ты помнишь, когда я тебя нашел?

– Все очень смутно. Ты кажется тащил меня, но сначала наклонился надо мной, еще в самом начале, когда нашел меня.

– Это было девять дней назад. Ты лежал под деревом с перебитой головой.

«Девять дней», – медленно повторил про себя парень.

– А все это время... – выдавил он из себя.

– Ты лежал у меня дома, спал. Редко приходил в себя. Иногда в бреду открывал глаза, что-то говорил и снова засыпал, – Мак почесал бороду кончиком ножа.

Через некоторое время он продолжил.

– Чтобы нам было проще общаться, надо что ли назвать тебя как-то, – охотник задумчиво смотрел, как под сухими палочками разрастался огонь, – когда я жил еще не здесь, у нас в поселении был мужик. Разговаривал только по случаю и то только о лесе, да о тропинках. Наши не любили его, за странного считали. Он, конечно, с приветом, и ходил так странно, как бы раскачиваясь из стороны в сторону, но при этом был великолепным следопытом. Знал все о местности, ориентировался на сотни километров во все стороны от селения, перебродил все тропы и канавы, – Мак взглянул на парня, тот слушал, уставясь на него красными глазами, – один раз ручей пересох, из которого мы всегда набирали воду. Так этот следопыт показал нам сразу три новых источника. И вот когда мужики спрашивали: «слушай, куда идешь?». Он отвечал: «бродить». Поэтому и дали ему кличку Бродяга. Мужик интересный был, своеобразный. Дойти до города: «Бродяга покажет короткую дорогу!». Пещеру, где ляжет медведь в спячку: «Бродяга знает!».

Ветка треснула, и искры посыпались из костра. Пламя лизнуло дно растопки и выскользнуло из под нее резво наверх.

– Что скажешь? – спросил Мак

– О чем?

– Об имени. Бродяга.

Было в нём что-то не от мира сего. Одинокое какое-то.

– Оно будет твоим пока, разумеется, не вспомнишь свое настоящее, – добавил Мак.

– Да, пускай. Только не понимаю, как я связан с этим именем?

Охотник перевел взгляд на парня, выдержал паузу и сказал, оперевшись локтем на колено:

– Забродил ты, парень, слишком далеко. Но об этом позже.

Мак подобрал с земли третью не разделанную тушку кролика. Бродяга провалился в свой мир. На какое-то время он перестал замечать, что происходило вокруг него. «Как же так получилось?» – подумал парень. Солнце вынырнуло из-за верхушек деревьев и разлилось золотом по лужайке. Бродяга прикрыл глаза и постарался вспомнить все, что уже знал. Первое, за что удалось зацепиться, это плывущая размазанная картинка, перемешанная со вкусом крови и тошноты.

Он валялся под деревом, разметав ноги и руки в разные стороны. Голова привалилась к стволу, а подбородок упирался в грудь. Кажется, правая ладонь была в чем-то липком и холодном. Потом появился Мак. Его голос раздавался эхом так, как если бы на Бродягу было надето ведро. Темнота. По горлу течет что-то горькое, обжигающее гортань и грудь. Это буквально вырвало его из забвения. На секунду все стало четким: далеко впереди, в нескольких километрах белели пики горного хребта. «Ну и как ты сюда попал?» – услышал он голос охотника. Но что раньше, что было до этого? Бродяга стиснул челюсти. Так не бывает, чтобы не было воспоминаний. Его качнуло. Уши больно сдавило, и он вернулся.

Мак изредка поглядывал на Бродягу. Тот вот уже двадцать минут сидел, скрючившись на пне и уронив голову на руку. Из гущи леса на лужайку вырвался ветер, пронесся над землей, и качнул пламя, тянувшееся к подвешенным над ним кроличьим тушкам. Бродяга вздрогнул и поднял опухшее лицо.

– Как... Как я попал туда?

– Я не знаю. Ты лежал под деревом, когда я проходил мимо.

– А как я выглядел?

Мак вздохнул и с видом человека, которого отрывают от важного дела бесполезными расспросами, ответил:

– Как мертвец. С затылка по стволу дерева на плечи стекала кровь, лицо в гематомах, левый глаз полностью затек и опух.

– На меня напало животное? Я не понимаю.

Охотник пристально посмотрел тому в лицо. «Неужели и правда не понимает?» – подумал Мак, а вслух сказал:

– Возможно, животное.

Бродяга сгорбился и обхватил колени руками. Его снова начало знобить. С мяса в костер упала капелька жира. Пламя вздрогнуло и зашипело. Охотник встал с пенька и прокрутил три палки с насаженными на них зайцами.

– Спасибо, Мак... – он медленно выговаривал слова, – мне сейчас трудно говорить. Я хочу полежать.

Охотник коротко кивнул. Он чистил ногти ножом и о чём-то думал.

– В дом пойдешь? – бросил как бы между делом Мак.

Бродяга на секунду замер, прежде чем подняться с пня. На свежем воздухе было лучше, свободнее, чем в душной комнате. И как будто боль в голове ощущалась не так резко.

– Я тут лягу.

Бродяга уперся костлявыми ладонями в колени и на дрожащих ногах стал подниматься. Он старался делать это как можно плавнее, чтобы не появилась боль в голове. Мак смотрел на него и на секунду поймал себя на том, что ему стало противно. «Почему противно?» – спросил он себя. Мак понимал, что Бродяга сейчас слаб, но ничего не мог с собой поделать. Охотник поспешил опустить подбородок, чтобы за бородой не было заметно его искривившихся губ. Бродяга напоминал старика. Парень сделал несколько шагов на трясущихся ногах. Сгорбленная спина, на которой отчетливо выделилась цепь позвоночника, вздрагивала судорогой. Впавшие глазницы и бледная кожа, обтянувшая скулы и провалившаяся во впадины щёк. Бродяга не замечал, как трясутся его плечи. Парень замер в четырех метра от костра. Мак угадал причину его неуверенности. «Не знает, как опуститься. Боится упасть». Охотник решил понаблюдать за ним. А парень судорожно пытался думать. Ему стало страшно. Все тело ходило ходуном. В груди бешено колотилось сердце, мышцы ног горели и рвались от резкой нагрузки. «Как мне опустится на траву... Что делать?». Если парень упадет, то травма головы может только ухудшиться, и недельное лечение пойдет насмарку. Бродяга не заметил, как подтянул ладони к ушам, будто прячась от громкого звука. «Если я упаду», – и при этой мысли его всего передергивало. Тогда, череп точно расколется, и Бродяга с трудом представил, как с хрустом трескается кость, а изнутри вытекает склизкая красная масса. «Точно! На колени! Упаду на колени!», – вспыхнуло в мыслях, и с каким-то внутренним облегчением парень начал опускаться. Мак наблюдал, как ноги Бродяги подогнулись, затрепыхались и наконец рухнули коленями на землю. Потом, как слепой проверяет трясущейся рукой путь, Бродяга вытянул ладонь вниз, при этом он все время смотрел только вперед, держа голову ровно и не наклоняя её. Наконец рука дотянулась до мягкой и холодной земли, и за ней опустилось тело. Бродяга выдохнул с облегчением. Он лежал на животе, прислонясь щекой к мокрой, пахнущей дождем траве, и наслаждался. Мак отвернулся к костру. Внезапно охотник вздрогнул и подскочил на пне. Мясо подгорало. Он крутанул все три ветки на рогатках и раздраженно сплюнул в сторону.

...

Спинки кроликов покрылись черной корочкой. Бродяга лежал в трёх шагах и спал, зарывшись носом в траву. Охотник глянул вверх. Солнце только переползло середину неба.

Мак думал, что можно сказать Бродяге. В поселении охотников парня никогда не видели, значит Бродяга из прибрежного города, что скрывается за горным массивом. Мак буравил взглядом тлеющие угли, погружившись в размышления. С Бродягой разделался точно не зверь. Охотник видел людей, нарвавшихся на волка, а еще хуже на медведя. Раны совсем другие, никаких разбитых голов и опухших глаз. Скорее, изодранные в мясо руки и ноги. Мак что-то промышчал себе под нос и пальцами помассировал переносицу. Значит Бродягу кто-то избил и бросил в лесу. Если это люди из города, то зачем тащить его через горы, поле и бросать под деревом? Мак хмурился, долго взвешивал все за и против, потом его взгляд как-то разом полегчал, расслабился и, охотник кивнув, поднялся с пня.

Бродяга зашевелился и медленно перевернулся на спину.

– Поднимайся, если хочешь есть. Мясо готово, – бросил Мак, заходя в дом.

Они сидели друг на против друга. Мак внимательно смотрел за тем, как Бродяга ел. Парень впился зубами в нежное мясо и принялся жевать. Он громко чавкал, то и дело облизывая сухие губы. Кролик на вкус был сочный, даже немного сладковатый. Бродяга смаковал его во рту, перекладывая языком с одной стороны челюсти на другую. Придавливал к нёбу, выдавливая сок, когда он заметил на себе взгляд охотника.

– Что-то не так? – спросил Бродяга с набитым ртом.

Парень поерзал на пне. Суровый охотник не то чтобы пугал, но Бродяга чувствовал, что Мак как будто злится на него.

– Как чувствуешь себя?

– Лучше, чем до этого, – Бродяга открыл рот, чтобы откусить кусок, но в самый последний момент остановился, – а почему ты спрашиваешь?

– Первое время твой организм отторгал пищу, – Мак палкой поворошил костёр, – и я не мог понять, почему ты сразу же слёвывал все, что попадало внутрь.

Мак что-то вспомнил, прервался. Подушечками пальцев провел по костяшкам правого кулака. Бродяга заметил, как вдалеке, из глубины леса выпорхнула стайка птиц, закричала раздраженно и понеслась ввысь.

– Тебе начало легчать только после того, как Курт приготовил лекарство.

– Подожди, какое лекарство?

Мак мгновение сидел задумавшись.

– А чёрт его знает. Он мне не сказал, – ответил охотник и взял палку, на которую была насажена вторая тушка кролика

– Но я скорее всего получил... Как же это называется, – все время разговора Бродяга ловил себя на мысли, что из его головы будто пропадали слова, он знал подсознательно, что помнил это слово, но сказать его не мог.

– Сотрясение мозга, – угадал Мак.

– Да, сотрясение. Разве от него есть лекарство? Как микстура может вылечить такое?

– Давай пока оставим эти вопросы.

Они доедали молча, каждый думал о своем. Бродяга смотрел на объеденные косточки кролика, которые он складывал на траву рядом с собой. Парень снова пытался вспомнить, что с ним произошло, но ничего не выходило.

– Можно мне еще? – вдруг спросил он.

Бродяга сидел сконфуженный и поглядывал то на последнего приготовленного кролика, то на Мака. Повязка на голове сползла на лоб и почти закрывала глаза. Охотник протянул руку к лежащей на траве палке, сдул лишний ворох с мяса и дал его Бродяге.

– Думаю, стоит поменять повязку, – сказал Мак.

Бродяга кивнул и с удовольствием. Он на секунду замешкался, не зная с какой стороны лучше укусить зажаренную тушку.

Мак прошелся по своему маленькому огороду. Вырвал руками пучки травы, мешающие его посаженным растениям. Проверил, ровно ли стоят колышки, за которые будут цепляться помидорные кусты. Бродяга наблюдал за его размеренными шагами, парень хотел начать разговор, но не знал, как это лучше сделать. Охотник вышел из огорода с копной травы и выбросил её в кусты там, где начинался лес.

– Мак, что мне делать дальше?

Охотник не посмотрел в сторону парня, проходя мимо. Дверь в дом скрипнула.

– Ты приютил меня, выходил... – Бродяга разозлился на себя, что споткнулся на полуслове, он пытался отделаться от чувства неловкости. – Я же не могу жить у тебя вечно.

– Есть идеи?

– Я не мог же просто с неба свалиться, – Бродяга потер виски, голова снова начинала болеть, – ты говорил про город у моря.

– В этих краях есть только два места, где живут люди. Поселение охотников и город у моря.

Бродяга молчал.

– Как я и говорил, ты не можешь быть из охотников, я тебя там никогда не видел, и никто из жителей не слышал о парне с шрамом на плече.

Бродяга вздрогнул. «Шрам?» – пронеслось у него в голове. Он быстро потянулся к правому плечу, вытянул его из под рубахи и увидел розоватый рубец. Рваная полоска шириной с палец тянулась по всей внешней стороне плеча. Небольшая вмятина, ложбинка, которую будто проел червь. Бродяга провёл по ней пальцем. Через каждый миллиметр ощущалась тугая стяжка на грубо зажившей коже. «Шершавый», – подумал Бродяга.

– Почему ты потянулся именно к правому плечу?

Парень открыл рот от изумления. Потом медленно выдавил из себя:

– Не знаю, само как-то.

– Видимо, этим шрамом тебя наградили еще давно, в городе.

– Значит, ты думаешь, я оттуда?

– Я уверен

Бродяга так и сидел, держась за правое плечо. «Значит, вот так все разрешилось. Осталось только попасть в город, и я смогу все вспомнить», – мысли прервались.

– Я не знаю дороги, – сказал парень, поправляя рубашку.

Мак молчал. Он выглядел уставшим, лицо на секунду потеряло уверенное и серьезное выражение. Глаза прежде бесчувственные, холодные подернулись дымкой. «Что с ним?» – Бродяга хотел бы знать, о чем сейчас думает охотник, спасший ему жизнь. Мак рассеяно оглянулся. «Это не твое дело, Мак, ты и так сделал слишком много для него», – убеждал себя охотник. Спустя минуту к охотнику вернулось прежнее холодное выражение глаз, тонкие губы сомкнулись, выказывая свою недружелюбность. Мак отчеканил:

– У тебя два дня, чтобы подготовиться к дневному переходу через горы. Я покажу дорогу.

Бродяга не знал, как реагировать. Этот человек столько для него сделал. Парень смог только сказать:

– Спасибо тебе... За все.

Мак сделал вид, что не услышал. Поднялся и прошагал в дом. «Я просто доведу его до города. А там посмотрим».

Глава 4

– Это тот парень, которого ты...

– Да, это он, – нервничая, произнес Мак, повышая голос, – я не собираюсь об этом говорить, Курт.

Голос охотник противно резанул по ушам лекаря. Курт сегодня мало спал, поэтому чувствовал себя паршиво. Один охотник из поселения нарвался на волка. Еды в этом году было мало, по словам мужиков, и звери стали нападать на людей. Курт закрыл уставшие глаза. Вздыхнул, как всегда время операции вспоминать не хотелось. Лужа крови, и человек на столе, чья правая рука разодрана в клочья. Кожа висела лентами, и мясо, вспоротое, торчало ошметками. Курт видит: к нему в дом ночью врываются мужики, начинают орать все разом так, что не разобрать. Снаружи скачут огоньки факелов, выхватывающие побелевшие лица женщин с блестящими от страха глазами. И все требуют от него помочь, надеются на него.

Курт стал легче относиться к виду покалеченных человеческих тел и мольбам здоровых. Он давно перегорел, перестрадал, ожесточился, и многое перестало его трогать. После сложных операций Курт обычно не спал. Часто сидел и недвижно смотрел в одну точку. Еще несколько лет назад после очередной бессонной ночи около тяжело раненного охотника, Курт снова впал в эту отрешенность. Ни с кем не разговаривал, а если его что-то спрашивали, то просто кивал в ответ. Так могло продолжаться несколько дней. Мак был с ним рядом в тот раз. Они сидели на траве около небольшого озера в нескольких километрах от поселения и просто смотрели, как покачивается от ветра вода. Курт не пытался отделаться от Мака, как делал это с другими. С Маком можно было молчать. Думать о своем не боясь, что собеседника тяготит твое общество. Редко можно найти человека, с которым легко молчать. Курт, ссутулившись и обхватив колени руками, сидел у кромки воды. Охотник был рядом. Он о чем-то некоторое время думал, а потом поднял глаза и сказал:

– Слушай, мне нужна мазь, снимающая воспаление с ран, – Мак помолчал, – может, сможешь найти нужные растения? Я в этом не особо разбираюсь.

Курт не отвечал и, наверное, делал вид, что не услышал слов охотника. На середине озера из под воды вылетела рыба, изогнувшись блестящим телом, и плюхнулась обратно. Курт выпрямил ноги и со вздохом произнёс:

– Да, давай.

С этой простой просьбы охотника начались частые совместные поиски целебной травы. Но то было несколько лет назад, сейчас же Курт крикнул:

– Мак, смотри внимательней, пожалуйста, ты пропустил спорыш.

Курт наклонился и рукой подцепил огромную подушку, плотно разросшегося по земле растения. Его пальцы вытянули стебель из общей кучи и побежали по каплевидным листочкам. Спорыш начинал цвести белыми размером с ноготь цветочками. Курт бормотал себе под нос: «Листочки, так-так, белый, а тут что... ага, уже дошел. Ну-ка, ну-ка». Он отмерил на стебле расстояние в две ладони и отрезал его ножиком.

– Я отделю листочки от стебля. Просушишь их где-нибудь в темном месте. Главное не сбрасывай все в кучу, а расстели тонким слоем, чтобы растение не заперло. Когда стебли станут ломкими, значит они готовы к употреблению, – он складывал отобранные части растения в мешок, – из другой половины я отожму сок и...

Мак перестал слушать его, зная, что Курт может говорить о растениях сутки. Это там сушить, этот корень столько-то заваривать, потом раствор сцеживать, потом еще раз высушить, потом дать корове пожевать, забрать у нее полужеваную кашу, уйти с ней на гору, разложить на камнях и лунной ночью начать выплясывать вокруг нее дикие танцы, лучше, конечно, голы-

шом. Слишком много условий. Мак чертыхнулся и уже проклинал себя за то, что согласился помочь Курту искать травы. Охотник ни черта в этом не понимал. Да и не хотел понимать.

– Ты опять меня не слушаешь? Ну же, Мак, это важно! Если заваришь неправильно или дашь отвара не в нужном количестве, то эффекта не будет.

– Да черт возьми, Курт, отстань ты со своими растениями. Захочу сырые дам, так сожрёт, – Мак сгреб в охапку очередной сплетенный спорыш и рванул наверх.

Курт только сейчас заметил, что его друг сегодня вел себя немного странно. Отсутствующий взгляд, в движениях появилась раздражительность. Курт понял, что сейчас лучше не приставать к охотнику с разговорами. Дальше собирали растения молча.

– Ты не ответил, парень очнулся? Мне нужно знать, в каком он находится состоянии, – спросил лекарь, когда они вышли из леса.

– Он пришел в себя и сожрал моих кроликов. В общем ему лучше, – сквозь зубы произнес охотник. – Ты говорил, что напиток подействует, когда я дам парню.

– И он подействовал, смотри какой сильный эффект.

– Курт, ты уверен, что противоядие поможет?

– Слушай, Мак, ты же сам сказал, что ему стало лучше. А вообще я не понимаю, что с тобой стряслось. Решил вдруг парня незнакомого спасти, меня заставил лекарство делать, хотя до этого... – нравоучительным тоном начал лекарь, но охотник его перебил.

– Хватит. Да, сначала я не собирался его лечить, думал оставить все, как было, – Мак хотел еще что-то сказать, но, отмахнувшись, замолчал.

Они подошли к дому. Курт протянул охотнику мешок со спорышем.

– Держи. А теперь иди, Мак, я хочу поспать.

Курт развернулся и зашел в дом, а охотник стоял с мешком травы в руке и смотрел, как захлопывалась немного покосившаяся дверь. Мак развернулся на пятках, пружинисто толкнулся ногами и, держа средний темп, побежал вглубь леса.

Глава 5

Бродяга сидел на пне, а рядом дотлевал костер. Парень с отсутствующим видом толкал палкой угли. За два дня пока Мак пропадал в поселении охотников, Бродяга практически восстановился. Он мог самостоятельно выйти из избы, а сегодня у него появились силы немного размяться.

С самого утра небо было затянуто сплошной серой тучей. Изредка накрапывала холодная морось. Бродягу больше не шатало при каждом шаге, живот не скручивало от боли. Стол рядом с кроватью больше не превращался в размытое пятно. Раньше он начинал растекаться, изгибаться, его ножки вытягивались и изгибались в разные стороны. Стол как бы олицетворял болезнь, ассоциировался с ней. Боль, тошнота, головокружение, а над всем этим возвышается стол. Бродяга ненавидел его. Когда парень метался в постели от жара, вся комната начинала плыть, ему становилось трудно различать объекты, но внимание привлекал именно стол. Он будто орал на парня: «ты болен! Смотри, как я могу!» – пропускал по спине волну и вертел ножками как сумасшедший. «Был бы ты здоров, ты бы этого не увидел!» – добавлял стол, ехидно улыбаясь. И каждый раз, когда от последствий травмы мозг, сжигаемый высокой температурой, погружался в агонию, свистопляска начиналась заново.

Сегодня же утром Бродяга открыл глаза и впервые почувствовал себя отдохнувшим. Тошнота и слабость пропали. Бродяга аккуратно приподнялся на кровати, ожидая, что сейчас появится боль, но ничего не произошло. Тогда он вытянулся и положил ладонь на тот самый стол. Совершенно обычный деревянный стол. Бродяга высокомерно посмотрел на него и тихо сказал:

– Так-то лучше.

Бродяга спустил ноги на пол, нацепил кожаные грязные башмаки, которые подарил ему Мак, слез в холодный погреб за кроличьей тушкой. Парень принес из сарайчика несколько поленьев и прутьев для огня. Двигаться было легко и приятно. Пока готовилось мясо, парень даже немного размялся: сделал наклоны, несколько раз отжался.

Сейчас Бродяга сидел на пне рядом с дотлевающим костром и со скучающим видом скреб палкой золу.

– Ты что-нибудь вспомнил? – сухо спросил Мак, неожиданно появившись за спиной парня.

Бродяга вздрогнул и развернулся на голос охотника. Глаза Мака блестели, буквально впивались в растерявшегося парня, требуя ответа.

– Ничего за все это время. Как ты так тихо подкрался ко мне? – Бродяга оглянулся и только сейчас понял, что от испуга отбросил палку, которой копался в костре.

– За все это время ты не смог ничего вспомнить? – с легким удивлением переспросил Мак и искоса посмотрел на Бродягу.

– Нет, а должен был?

Мак некоторое время молчал. Он о чем-то думал, хмурился и, казалось, борется с самим собой. Наконец охотник проговорил:

– Тебя отравили.

Повисла тишина. Бродяга замер. Потом сжал челюсть так, что проступили желваки. Мак видел, как забегали его глаза, сдвинулись брови.

– Откуда ты это знаешь? – сдавленно спросил парень.

– Мне сказал Курт, он лекарь, сделавший противоядие для тебя. Для сотрясения мозга симптомы были слишком странными.

– Так может у меня тяжелое сотрясение? Сколько дней я валялся без сознания? Да откуда тебе это знать! – Бродяга зло нахмурился и подскочил с пня.

– Ты очнулся на пятый день. Оклемался только сегодня, то есть на восьмой. С тяжелым сотрясением даже самые крепкие деревенские охотники валялись в кровати месяцами.

Бродяга взмахнул руками и зашагал из стороны в сторону.

– Твой организм боролся с ядом в крови. Пересиливал его воздействие.

– Ты не можешь знать это наверняка! – крикнул Бродяга и тут же схватился рукой за голову. Боль вспышкой настигла мозг.

– Могу. Когда я рассказал Курту, что тебя уже третий день тебя рвет от любой еды, что у тебя не прекращается жар, хотя все раны были промыты и обработаны, он принес какую-то склянку. Я думал в ней обычные травы, обезболивающее, но тебе резко стало легче. Прошли все симптомы: жар, рвота...

– В том горшочке было противоядие, – прошептал Бродяга и зашагал вокруг костра.

Парень остановился, дрожащую руку опустил на бедро, но она соскользнула.

– Это же все портит. Это все, все портит. Кому нужно было меня травить... Это бессмысленно. Мак, – голос парня дрожал, – ведь это все меняет.

Мак тяжелым взглядом следил за парнем.

– Давай, садись. И перестань метаться.

– Я, я... Я просто не понимаю.

– Хватит уже, возьми себя в руки, – раздраженно бросил Мак, – сколько можно, прими ситуацию и придумай, что можно сделать, чтобы ее исправить. А вот эту чувственность засунь себе куда поглубже. Только холодно рассуждая, ты сможешь найти решение. Ты меня понял?

Бродяга, притихший под действием властного голоса Мака, коротко кивнул.

– Оставь это трепыхание чувств бабам. Давай думать, Бродяга, а не расплескивать сопли, – сказал Мак и ушел в избу, на ходу стаскивая с себя лук.

Бродяга обхватил голову руками. Мак разжег из новых поленьев огонь, поставил жариться мясо.

Мак лежал на кровати, когда на пороге появился Бродяга со словами:

– Я не знаю, что мне делать.

Мак скрестил руки на груди. Бродяга вздохнул и прошел внутрь избы. Горький запах шерсти и мускуса, исходивший от шкур животных, так и не выветрился, а парень не мог привыкнуть к нему. Охотник внимательно следил за тем, как парень нерешительно переступил порог. Что-то в его фигуре изменилось. Казалось, Бродяга еще больше осунулся и ссутулился. Парень обвел комнату потухшим взглядом и опустился на пол прямо посередине. Он медленно, по-старчески вздыхая, поджал под себя ноги. И снова произнёс:

– Я не знаю, что мне делать, Мак.

Охотник не шелохнулся, а только продолжал, не отрываясь, смотреть в лицо парню. Бродяга начал перебирать пальцами штанину.

– Какое мне дело до твоих проблем? – донеслось от Мака.

Молчание. Губы Бродяги едва заметно задрожали.

– Ты спас мне жизнь, и я не в праве просить тебя о большем...

– Ты прав. Я достаточно для тебя сделал, – холодно согласился Мак, расправил руки и облокотился ими о колени, – даже больше чем требовалось. Ухаживал за тобой, кормил. Я тратил на тебя время и силы.

Бродяга не мог заставить себя посмотреть в его холодные, безучастные глаза. Он практически боялся встретиться с Маком взглядом, потому что понимал, что не найдет в нем поддержки.

– Хотя бы послушай, что я думаю, – сказал парень.

– Начинай.

На лес понемногу напознала темнота. На небе выделялись только верхушки елей, подсвеченные огнем заката. Тень наполовину закрыла лицо Мака.

– Мне кажется... – голос предательски упал куда-то вниз, до хрипа, Бродяга сглотнул. – Нет, я уверен, что та часть жизни, которая пропала из памяти, связана с городом у моря, – он начал делать акценты ладонью, подкрепляя этими движениями слова, – глупо будет отрицать и то, что меня отравили, раз об этом сказал твой друг, лекарь.

Парень вздохнул и взглянул в лицо Маку. Оно не пугало, а по обыкновению было сдержано и сурово.

– Когда я думал, что же все-таки произошло, когда пытался воссоздать ситуацию целиком, постоянно натыкался на один вопрос: если меня отравили, то зачем тащили через горы? Сколько занимает времени переход через них?

– В среднем полдня. Если знать дорогу.

– Какой смысл в этом действии? Если они хотели меня убить, то почему просто не бросили где-нибудь в канаве? Или не скинули с утеса? В крайнем случае они могли утопить меня, пока я был без сознания. Зачем было тащить мое тело целый день через горы? Чтобы выкинуть его под деревом? – и Бродяга с этими словами развел руками, – если они хотели меня убить, зачем все так усложнили?

– Ритуал?

– Я не понимаю, что значит это слово. В памяти нет ничего связанного с ним...

– Не важно, мысли вслух, – сказал Мак и жестом показал, чтобы Бродяга продолжал.

– В общем, я думаю, если кто-то просто хотел свести счеты – обыкновенное убийство, было бы лучшим решением. Зачем травить меня и при этом жестоко избивать?

– Те, кто сделал это с тобой, либо отводили таким образом душу и пытали тебя, – лицо Бродяги скривилось от злости при этих словах Мака, – либо перед тем как потерять сознание, ты усиленно сопротивлялся.

Бродяга сухо кивнул.

– Избивать ведь можно и без яда, – добавил парень.

– Они хотели видеть, как ты мучаешься? – спросил Мак, и его единственный глаз, не скрытый тенью, зловеще блеснул.

– Но это не дает ответа на вопрос: зачем они перетащили меня через горы?

Охотник откинулся на спинку стула и провел большой мозолистой ладонью по щеке. Если бы не тень, то Бродяга увидел бы, что та часть губ, которая была скрыта от его глаз, дрогнула от легкой улыбки. Казалось, именно этот вопрос и хотел услышать охотник от Бродяги.

– Это и меня поставило в тупик, – Мак подвинулся на кровати, садясь удобнее.

Бродяга грустно кивнул и распрямил затекшие ноги. Мак словно статуя, скрытый наполовину надвигающейся темнотой, смотрел в чернеющее окно.

– Меня явно не ждут обратно, – с горькой усмешкой произнес Бродяга.

– Это точно, – охотник слегка отклонил голову назад и тихо рассмеялся.

– Давай еще раз проговорим все, до чего мы додумались, – предложил Бродяга, – после травмы, у меня все будто выпрыгивает из головы. Я боюсь, что могу что-то упустить.

– Мы поняли, что ты из города у моря, и что кто-то из жителей имел вескую причину не просто прирезать тебя в подворотне, а избить и отравить.

– И еще перетащить через горы, – произнес Бродяга из темноты комнаты.

– Вместо того, чтобы бросить в канаве...

– Сбросить с утеса и утопить. Я это понял, – быстро добавил парень.

– Получается, что у нас больше вопросов, чем ответов. А самое плохое... – Мак сделал паузу, ожидая, что за него договорит Бродяга.

– Что я ничего не помню. Ничего из своего прошлого. Ни одного имени, ни одного конкретного события. Ничего.

Снаружи окончательно стих ветер. Лес замолчал, и всю округу окутала непроницаемая тишина.

– Ты начал разговор со слов: «я не знаю, что мне делать», – сказал Мак.

– Я имел в виду, что не уверен, правильное ли я принял решение.

Мак ждал.

– Я хочу найти тех людей, – и он посмотрел в сторону Мака глазами, полными уверенности и злости, – мне нужно попасть в город. Возможно, когда я увижу родные места, память быстрее ко мне вернется. И я хочу спросить, не передумал ли ты перевести меня через горы, – добавил после некоторой паузы Бродяга.

Кровать уныло скрипнула под охотником. Мак мягко ступая по дощатому полу, подошел к двери.

– Я же отчетливо сказал тебе, готовиться к переходу. Что непонятного?

Мак захлопнул за собой дверь в избу, вдохнул холодный свежий ночной воздух. «Зачем ты это делаешь?» – в голове прозвучал вопрос, на который охотник все еще не мог себе ответить.

Глава 6

– Просыпайся! – крикнул Мак, распахивая с улицы дверь, – уже рассвело, пора начинать работать.

Бродяга простонал и перевернулся на другой бок, чтобы утренний свет не попадал в глаза.

– Я сказал: вставай.

Мак прошел в комнату, взял с пола башмак и на ходу бросил его в Бродягу.

– Да поднимаюсь, – пробурчал парень

Он сел в кровати: лицо помято ото сна, волосы торчат в разные стороны.

– Ты девятый день спишь на моей кровати, сегодня это было в последний раз – будешь спать либо на полу, либо в спальнике на улице.

Бродяга протяжно застонал и рухнул обратно спиной на твердую подушку.

– Хоть не буду видеть этот проклятый стол, – пробубнил он, и скинул ноги с кровати.

– О чем ты?

– Да так, без разницы.

Пока парень одевался, охотник рывком поднял массивную крышку погреба. Мак сделал глубокий вдох, втягивая в себя запах сырости и мокрой земли, прикрыл глаза от удовольствия и спрыгнул вниз. Бродяга слышал, как охотник прошел по узкому тоннелю длиной несколько метров под полом избы. Парень натянул башмаки, надел через голову порванную и мешковатую рубаху с засохшими пятнами крови на правом плече и груди. Из открытой двери тянуло утренней прохладой. Бродяга стоял в проходе и вспоминал, сколько времени он прожил у охотника в избе. «Девятый день новой жизни, и до сих пор ни черта не помню», – сказал он про себя и шагнул наружу.

Мак вылез из погреба, держа в руке два меча, спрятанные в ножны. Он аккуратно сдул с них пыль.

– Зачем тебе это? – спросил Бродяга охотника, когда тот вышел на улицу.

– Расскажи мне, что будет, когда ты появишься в городе? – Мак положил ножны на траву.

– Я не думал об этом.

Охотник молча кивнул, словно не ожидал другого ответа, и двинулся к сложенному костру. Рядом с ним лежали двое освежеванных кролика, подвязанные за лапки к ветке.

– Тебе еще крольчатина не надоела? – спросил Мак безразличным голосом, говорившим: «даже если надоел, у тебя нет выбора».

– Моя удача, что ты меня вообще кормишь.

Парень присел на еще мокрую от росы траву и облокотился грудью на колени. Редкий ветер, вырывающийся из леса, залетал под мешковатую рубашку и морозил живот. Мак в это время, опустив лицо к самой земле и вытянув губы, дул на разгорающийся костер.

– По поводу города. Очевидно, что мне там будут не рады, – возобновил разговор Бродяга.

– Именно, – сказал Мак и громко вдохнув, изо всей силы дунул на тлеющую бересту.

– Значит мне нужно оружие... А зачем мне два меча? – Бродяга подождал и продолжил, – или ты будешь меня защищать?

Мак поднял лицо от земли и, нахмурившись, сказал:

– Ты сам за себя в ответе. Я только хочу немного потренировать тебя, чтобы понять, насколько хорошо ты управляешься с оружием.

– Справедливо, – сказал Бродяга и качнул головой в знак согласия.

Трут вспыхнул, и охотник быстро накрыл взвившиеся на секунду язычки пламени сухими ветками. Мак легко встал с колен и заговорил:

– Я не собираюсь учить тебя всему с нуля, если будет понятно, что ты впервые держишь оружие в руках, то сразу прекратим. На полноценные тренировки у нас нет времени.

Бродяга слушал и сильнее прижимался к согнутым коленям, чтобы хоть немного согреться в утреннем холоде. Мак заметил это и сказал:

– Пока готовиться мясо разомнись немного. А лучше всего пробегись вокруг поляны.

Бродяга поднялся с мокрой земли, встряхнулся и, держа медленный темп, побежал вдоль кромки леса. В небе поднималось солнце. Лес задышал, зашуршал листвой, а парень, чувствуя, непривычную легкость в теле заворачивал на второй круг.

Поели быстро, в тишине. Мак вытер о траву скользкие от мясного жира пальцы и взял с травы два меча.

– Только самое основное, помнишь? – спросил он и протянул один клинок Бродяге.

Парень взял протянутый меч. Бродяга поднял лезвие на уровень глаз, чтобы лучше его рассмотреть. Клинок был чуть короче руки, по краям на нем было множество сколов и зазубрин. Железо помутнело, в некоторых местах в него въелось что-то похожее на сажу. Бродяге сразу не понравился этот меч. Рукоятка с намотанной поверх нее колючей бечевкой царапала кожу, и само оружие было тяжелым, плюс запах ржавчины, успевший въестся в нос.

– Можешь защищаться руками, если тебе не нравится меч, – холодно произнес охотник, заметив как парень то и дело встряхивал руку с оружием.

Мак покрутил головой, разминая шею. Он завел за спину вытянутую правую руку, поворачивая при этом корпус. Тело охотника чуть вздрогнуло как от толчка, и Бродяга услышал, как с глухим хрустом повернулся его плечевой сустав. Мак встряхнулся и посмотрел своим леденящим взглядом на парня.

– Приступим. Начальная позиция, – скомандовал Мак, отодвигая назад правую ногу и приподнимая кончик меча до уровня своей груди.

– Начальная позиция... Хорошо, – неуверенно проговорил парень и попытался повторить позу охотника.

– Что ты делаешь?

– Слушай, я прошлую неделю не могу вспомнить, а ты просишь в какую-то позицию встать, – сказал Бродяга, беспомощно разводя руками.

Под бородой было видно как сжались губы охотника. Он сделал три шага к Бродяге, повернул его за плечи, приподнял руку за локоть, и убедившись, что тот занимает более менее правильную стойку, вернулся на свое место.

– Я буду наносить удары, а ты старайся отбивать их, – отчеканил Мак и уже занес руку.

Бродяга поспешил шагнуть назад.

– Ты издеваешься? Это же настоящие мечи, а я не представляю, что мне делать.

– Послушай. Любой солдат, охотник или лучник скажет тебе, что существует мышечная память, которая не зависит от головы, – Мак говорил и одновременно тряс кончиком меча, как указкой, – я видел парней, проводивших опасный и сложный спарринг, а потом говорили, что в это время совершенно ни о чем не думали. Они просто давали телу делать то, чему его долго обучали.

– Мышечная память? – с каким-то недоверием повторил Бродяга.

– Да. Если ты в «прошлой»... – Мак голосом выделил это слово, – жизни тренировался, то сейчас твои мышцы должны все помнить.

А потом добавил:

– Даже если голова пустая.

Парень хотел еще что-то сказать, но охотник его перебил.

– Не думай, а просто позволь телу двигаться самостоятельно. Я буду бить, а ты парировать.

Мак медленно занес руку и ударил сбоку. Бродяга неуклюже отпрянул назад и, глупо выбросив меч вперед, стукнул им по мечу Мака.

– Попробуй не отпрыгивать, а только отступать на коротком шаге... И не выкидывай клинок чёрт-те куда. Следи за тем, что ты делаешь.

И охотник повторил удар еще раз. И еще раз. Он бил то слева, то справа, иногда сверху, то коротким выпадом пытался достать живот парня. Бродяга же вел себя так, будто и вправду впервые держал оружие в руках. Наконец Мак опустил клинок и вздохнул:

– Видимо придется закончить тренировки, – охотник встал в обычную позу и опустил острие меча к земле.

Мак толкнулся правой ногой и ударил так сильно, как только мог. Он метил чуть выше бедра, повернув лезвие в воздухе. Оглушительно лязгнули мечи.

– Черт! – прокричал от испуга Бродяга. – Что это было? Ты же мог перерубить меня к хренам! Какого...

Он инстинктивно прикоснулся свободной рукой к левому боку и, выпучив глаза, посмотрел на охотника. Мак не изменился в лице, а только сказал:

– Мышечная память, – но видя, что Бродяга зло на него смотрит, добавил. – Я бы повернул лезвие плашмя в самом конце, остался бы только синяк.

Охотник поднял меч и начал заходить с правой стороны. Парень двинулся в противоположном направлении. Они ходили по короткому кругу, пока Мак не сделал первый выпад. Мечи с ужасающе громким звоном столкнулись у самого уха. Парень в последнюю секунду успел отразить удар.

– Не думай, пускай твоё тело работает самостоятельно. Доверься инстинктам.

– Легко сказать...

Не успел он договорить, как на него со всех сторон посыпались быстрые и хлесткие удары. Рука Бродяги часто отлетала вместе с мечом в сторону, когда их с Маком клинки сходились. Тогда приходилось уклоняться, отпрыгивать, чуть ли не падать на землю животом, спасая голову. Но один раз, когда парень и охотник находились близко друг к другу произошло странное.

Бродяга оказывается слева от Мака. Охотник слегка пригибается, готовя удар. И в это секунду в голове у Бродяги молнией проносится мысль. Он не успевает полностью ее осознать, а тело уже начинает движение. Парень отбрасывает правую ногу вверх и в сторону, тут же поворачиваясь на месте. Охотник бьет на развороте снизу вверх. Меч со свистом проносится там, где до этого была нога Бродяги. Парень повернул корпус и на легких шагах оказался в трех метрах от охотника.

– Неплохо, – сказал тот, выпрямляясь.

– Это было... Я настолько точно видел, куда ты ударишь, буквально заранее знал. Даже подумать не успел, – широко улыбаясь, проговорил Бродяга.

– Ладно, с мечами пока все. Теперь давай на кулаках.

Мак стянул через голову мокрую от пота рубаху. Бродяга невольно задержал взгляд. Тело охотника было изрезано шрамами. На левом плече несколько мелких неглубоких порезов. От левого ребра до живота спускались три косые полосы. Справа, на груди размером с кулак находилось серое пятно, вмятина. Казалось, что с этого места кто-то невероятной силы очень давно вырвал кусок мяса. А из спины на правое плечо выползали четыре длинные полосы: следы когтей какого-то животного.

– Хватит пялиться. Я тебе не девка, чтобы любоваться моим телом, – строго прозвучал голос Мака.

Бродяга спохватился и перевел взгляд в сторону.

– Попробуем комбинации, – Мак поставил перед лицом ладони, – простейшие три прямых удара.левой, правой, левой. Давай.

Бродяга выбросил первый быстрый хлесткий удар. Только благодаря хорошей реакции Мак успел убрать голову. Он не ожидал, что парень ударит настолько резко. Их удивленные взгляды пересеклись. Глаза Бродяги выражали полное непонимание происходящего. Мак быстро произнес:

– Третий удар боковой, – выкрикнул Мак.

Бродяга не думая повинулся.

– Добавляй снизу левой.

Глаза охотника загорелись. Он быстро растер покрасневшие от ударов ладони:

– Еще быстрее.

Бродяга понял, что сейчас ему не надо думать, а лучше довериться телу. Было ощущение, что оно само знает, что нужно делать. Корпус сам разворачивался чуть в бок, плечи начинали покачиваться, как бы подбирая нужное положение для следующего удара, а голова двигаться как маятник из стороны в стороны.

– Теперь работаю только я. Ты уклоняешься, – произнес охотник.

Мак выбросил легкий удар левой. Бродяга отреагировал молниеносно, отклонив голову точно на такое расстояние, чтобы кулак охотника слегка чиркнул по носу. Парень двигался плавно, Мак видел это и понимал, что перед ним далеко не новичок.

Нырок, и Бродяга оказывается за спиной охотника. Удары пытаются достать подбородок парня, но он легко и быстро уклоняется, поворачивает корпус, иногда только голову, и короткими шагами тут же разрывает дистанцию.

Охотник медленно кивнул, поджимая губы.

– Хорошо, очень хорошо. А теперь подойди.

Бродяга, не опуская от глаз кулаки, резво подбежал. Мак рывком бросился ему в ноги. Парень, отреагировав, навалился сверху на охотника, при этом прихватив ему шею правой рукой, а левой контролируя его локоть. Ноги Бродяги проскользнули немного назад, и охотник не смог зацепиться за колени. «Хорошая защита», – подумал про себя Мак и рванул в сторону, сбрасывая с себя парня и освобождая спину.

– Ты понимаешь, что делаешь? – он смотрел на тяжело задышавшего Бродягу.

– Оно само как-то получается, – Бродяга сделал глубокий вдох, – я даже не успеваю следить за твоими движениями.

Мак кивнул и поправил волосы, упавшие на лоб.

– Ты устал? – спросил он.

– Нет, но голова начинает болеть.

– Тогда еще несколько упражнений и закончим, – охотник подошел ближе, – я буду делать захваты, а ты попытайся освободиться.

Они отработывали захваты за руки и плечи, за шею, захваты корпуса спереди и сзади. Бродяга иногда терялся, но порой его движения были настолько быстрыми и резкими, что Мак просто не успевал за ним.

– Пока хватит, вечером продолжим, а сейчас отдохни.

...

Наступил вечер. На небе появились первые звезды, и лес затих, в спокойствии опустив ветви деревьев. Мак взял из огорода доску, валявшуюся между грядками огурцов, бросил ее на холодную землю и предложил Бродяге сесть.

– Слушай, я хочу спросить. Зачем тебе все это? Я имею в виду, зачем ты помогаешь мне? Тренируешь.

– Не думай, что это из-за большой любви к тебе. Я просто откупаюсь от грехов, – Мак повернул лицо к парню и посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом, – их у меня накопилось достаточно.

– Думаешь, кого-то интересуют твои грехи? – спросил Бродяга спокойно.

– Ты о боге?

– Наверное. Ты же знаешь, у меня многое перепуталось в голове, иногда я не могу выразить одним конкретным словом то, что крутится на языке. Только общее ощущение, – задумчиво произнес парень, вглядываясь в мрачную темноту леса.

Они сидели на доске, оба устремив глаза куда-то далеко вперед.

– Неужели и вправду есть что-то, что следит за каждым из нас, запоминает, кто кого отравил, что украл или обманул. Кажется, именно эти действия считаются за грех?

– Да, это лишь малая часть, – голос Мака прозвучал мягче, чем обычно.

– Как же интересно Ему удается следить за всеми разом, или Он делает это выборочно, и пока следит за одним, другой волен делать то, что вздумается. Например Он решил сегодня смотреть за женщиной, чтобы та чего ради в свободное время не согрешила, а в эту же секунду какой-нибудь мужик во время пьянки убивает хозяина таверны, – рассуждал Бродяга.

– И это не заносится в особый список грехов. Он лично не видел, поэтому и наказывать мужика не за что, – Мак слегка улыбнулся. Охотник пошевелил в тонких башмаках замерзшими пальцами и, вздохнув, продолжил, – в последнее время только так мне и казалось. Первых наказывают постоянно, а на вторых не обращают внимания, давая полную свободу предавать, убивать и воровать.

– А ты из каких? – вдруг спросил парень.

– Из вторых. Он на меня слишком давно забил. Может, поэтому я решил, что могу делать все, что захочу.

В глубине леса треснула ветка, звук разнесся мгновенно по всей округе. Бродяга облокотился на локоть и поднял лицо к небу. После некоторой паузы Мак заговорил.

– На самом деле всем плевать, нет никаких грехов, нет никакого небесного возмездия, воздающего всем по содеянному. Один раз столкнувшись с настоящей несправедливостью, перестаешь верить в то, что кому-то там действительно есть дело до того, что происходит *тут*.

Мак повернул голову к парню и тихо сказал:

– Миру плевать, насколько плохо с тобой поступили, Бродяга. Никто не придет к тебе на помощь и не накажет злодея. Никто не воздаст тебе за страдания и перенесенные мучения. Ты сам за себя. Тебе самому расплачиваться с теми, кто отравил тебя и избил, – охотник поднялся с доски, – всем все равно. В том числе и богу, если такой имеется.

Бродяга остался один. Он сидел и смотрел на звезды, запрокинув голову. Они мерцали серебристой пылью на небе. Безучастные и холодные. От избы, прорывая мертвую тишину ночи, донесся голос Мака:

– Помнишь, что с сегодняшнего дня ты спишь на полу?

Бродяга поморщился и крикнул:

– Надеюсь бог это слышал, и ты вскоре будешь наказан.

В ответ раздался хриловатый смех охотника. Парень поднял с земли доску, чтобы потом бросить ее обратно в огород, и медленно пошел к дому.

Глава 7

Бродяга со стонами и в раскоряку вышел из избы.

– Как же болят мышцы!

Парень оперся рукой на дверной проем и увидел старые тряпки, которыми его перевязывал Мак.

– Что с повязками делать? – крикнул Бродяга из избы.

– Их давно надо было сжечь, нечего зверье искушать запахом крови. Тащи это шмотье сюда! – крикнул охотник.

Бродяга собрал в охапку застывшие, пропитавшиеся кровью и воняющие тряпки. Он посмотрел на весь этот ворох и поморщился от отвращения.

Внезапно Мак замер. Бродяга в недоумении остановился около пня. Охотник с нахмуренным видом смотрел себе под ноги, повернув правое ухо в ту сторону, где вдалеке, за лесом, воздвигались горы.

– Кто-то идёт! – его голос отпружинил и замер.

Они пересеклись взглядами с Бродягой. Мак пригнулся и показал жестом, чтобы парень сделал тоже самое. Охотник, вытянув шею, вглядывался в мелькавшие за деревьями фигуры.

– Это торговец из города с охраной, – тихо произнес он.

Охотник покосился на Бродягу. Голоса гостей стали отчетливее, можно было различить их мелькавшие одежды. Мак коротко кивнул Бродяге, и парень увидел, как сжались челюсти охотника.

– Прячься в погреб!

– А вдруг среди них кто-то меня узнает? Вдруг, кто-то сможет вспомнить меня? Это же хорошо.

– В погреб! – прошипел Мак, бешено сверкнув глазами.

Парень бросил тряпки и кинулся в дом. Голоса внезапных гостей раздавались совсем недалеко, изредка можно было различить между ветками их мелькавшие одежды. Из леса, с руганью расталкивая ветки в разные стороны, вышел низкого роста мужчина. Щетина покрывала его пухлое лицо, на шее болталась золотая цепочка, а из-под дорого расшитой рубахи проглядывал живот. За ним показались три бородатых мужика. Через минуту все они стояли напротив охотника.

– Зачем ты здесь? – сухо спросил Мак, – мы договаривались, что я приду в город через три дня и принесу шкурки тебе в лавку.

– Мне нужно еще кое с кем переговорить в поселении охотников, так что я пришел сам. И с тобой дела уладим, и с ними. Ты же не возражаешь? – улыбнулся торговец, обнажая кривые гнилые зубы, – как говаривал мой батька: «одним ухватом двух баб осчастливию», – загоготал он и обернулся к трем сопровождавшим его мужикам.

Все разом засмеялись.

– Ну, Мак, показывай товар, к вечеру мне нужно еще успеть охотников повидать, так что давай не будем телиться, а сразу к делу.

Охотник стиснул зубы. Бродяга был в доме. Парню было нельзя встречаться с этими людьми. Купец нахмурился и непонимающе развел руки:

– Ты чего встал? Давай рассчитаемся и разойдемся. Показывай белок.

Мак развернулся и рукой пригласил следовать за ним, но купец остановился, а вместе с ним и три мужика. Он с удивлением спросил:

– А это что, Мак? – и кивнул на кровавые тряпки, которые Бродяга только что бросил у пня.

Охотник автоматически за секунду отметил на каком расстоянии находятся охранники купца. Мечи спрятаны в ножны, значит у него будет преимущество. Левый стоит ближе, с него стоит начать, на купца можно не обращать внимание. Мак взглядом выхватил рукоятку ножа, оставленного в траве и лежащего в двух шагах. Эти мысли возникли мгновенно, сами собой. Подобное уже вошло в привычку.

– Перебинтовывал раны. Неудачная выдалась охота, – процедил сквозь зубы Мак.

Купец закинул голову и выжидающе посмотрел на охотника снизу вверх.

– Что ты скрываешь, Мак?

Охотник не ответил, а только смотрел не мигающим взглядом на купца. Мужики почувствовали напряжение и расправили плечи. Взгляд Мака был холодным, не твердым и пугающим.

– У тебя кто-то живет? Неужели нелюдимый Мак обзавёлся другом? – с ехидной улыбкой спросил купец, оборачиваясь к своим спутникам, – а, мужики?

Они только улыбнулись. Повисло молчание, которое разом разрешилось:

– Да я же шучу, дружище Мак, мы пришли сюда по делу и копать в чужом грязном белье не собираемся, – с теплой улыбкой проговорил купец.

Но его голос сразу же изменился, стал холодным и резким:

– Показывай товар, охотник.

Мак замешкался, бросил быстрый взгляд в сторону ножа и понял, что его уже никак не достать. Потом развернулся и знаком сказал следовать за ним. «Надеюсь, у тебя хватило ума спрятаться», – подумал про себя Мак.

Вслед за Маком в пустую избу зашел купец и трое сопровождавших его наемников. Один остановился в проходе, а второй плюхнулся на кровать. Третий охранник остановился около крышки погреба, в котором прятался Бродяга. Парень, вжав голову в плечи, медленно отполз в темный угол. В груди бешено колотилось сердце. Он смотрел на тонкую линию света у себя над головой и старался не дышать. Как только парень зашевелился, крышка приподнялась, и он увидел чей-то ботинок. Бродяга шарахнулся назад от страха быть замеченным и чуть не сбил полку с кувшинами. Мужик со скучающим видом носком подцеплял крышку погреба и на несколько сантиметров приподнимал, и снова закрывал ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.